
ТЕОРИИ БЕЗОПАСНОСТИ ТРЕТЬЕГО МИРА

А.В. Худайкулова

МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Статья посвящена анализу исследований в области безопасности в государствах третьего мира. Показана эволюция понятийного аппарата как в сфере исследований безопасности, так и в понимании третьего мира, представлен анализ проблематики безопасности в так называемых постколониальных странах в годы холодной войны и постбиполярный период, определена текущая повестка дня в области безопасности для развивающегося мира. Особое внимание уделяется анализу концепций безопасности конца XX в. — «безопасности личности», «секьюритизации», «гуманитарной интервенции», представляющих особую озабоченность для государств третьего мира.

Представлен альтернативный формат третьего мира в категории миров постмодерна, модерна и премодерна, также используется понятие «невестфальских государств». Выделены базовые характеристики стран третьего мира в социально-экономической и политической сферах. Автор особо отмечает, что безопасность стран третьего мира коренным образом отличается от безопасности развитых западных государств, так как большинство угроз в незападных странах исходит не из внешней среды, а изнутри. Соответственно, западные теории безопасности не концентрируются исключительно на военных вопросах, а наравне с ними исследуют широкий спектр проблем гражданского характера — экономических, политических, социальных, экологических, а также проблематику развития, преодоления бедности и экономической отсталости.

Ключевые слова: безопасность, третий мир, постколониальные государства, теория международных отношений, реализм, безопасность личности, вмешательство, гуманитарная интервенция, ответственность по защите, смена режима.

В современной международной системе отчетливо прослеживается тренд «возвышения всего остального человечества» (*the rise of the rest*) — экономический рост целого ряда незападных государств от Бразилии до Индонезии, от Южной Африки до Турции [Zakaria 2009]. Экономический потенциал стимулирует подъем новых акторов и придает многим государствам третьего мира весомый статус в системе координат, в том числе определяющих поле международной безопасности. Л. Фосетт охарактеризовала данную тенденцию как «*восстание периферии*» [Fawcett 2005]. При этом академические подходы к анализу новой проблематики международной безопасности со стороны традиционных западных теорий и теорий незападного третьего мира по-прежнему носят сугубо индивидуальный непересекающийся характер. Однако сегодня предпринимаются попытки преодоления западноцентричного подхода к безопасности в теории международных отношений.

Категории «безопасность» и «третий мир» характеризуются комплексным содержанием, собирательным смыслом и достаточно быстрыми темпами эволюции контента.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЙ В ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ

Господствующее понимание безопасности прочно ассоциируется с традицией политического реализма в международных отношениях. Исследования безопасности (security studies) исходили из уже заданной школой реализма картины мира, в которой единственным международным актором являлось государство, а главными международными процессами — конфликты и войны. Мировая политика априори рассматривалась как арена борьбы между государствами за власть и могущество, где государства в условиях анархии вынуждены действовать по принципу «помоги себе сам». В этом контексте государства полагаются исключительно на военную мощь, чтобы гарантировать продвижение собственных интересов и противодействовать исходящим от других государств угрозам. Во времена холодной войны опорной выступала концепция национальной безопасности, сводившая понимание безопасности к отсутствию военной угрозы извне и защите государства от внешнего нападения.

Традиционное понимание безопасности содержит следующий набор постулатов: угрозы безопасности возникают преимущественно в межгосударственных отношениях; невоенные угрозы исключены из традиционного понимания безопасности; глобальный баланс сил принимается как законный и эффективный инструмент достижения международного порядка [Acharya 1997]. То есть, по сути, основные угрозы безопасности государства возникают извне, они носят исключительно военный характер и требуют от государства ответных мер.

Международная безопасность в трактовке западной теории обычно представляется в виде сложной мозаики элементов и вопросов, где каждая единица анализа (государство) преследует свои узкие эгоистические интересы, строя исходя из этого иерархию угроз и заключая по мере необходимости союзы и альянсы. Исследования в области безопасности были главным образом сфокусированы на анализе взаимоотношений между великими державами в международной системе. Впрочем, сама история международных отношений воспринимается, прежде всего, как история соперничества великих держав и как восхождение и падение могущественных государств [Кулагин 2012; Barkawi, Laffey 2006].

Вслед за распадом биполярной системы международных отношений в структуре международной безопасности произошли качественные сдвиги как с точки зрения расстановки и веса ключевых сил, так и в вопросах формирования новой повестки дня. Значительные подвижки коснулись и самого понятия «безопасность» — от традиционного, в духе реализма, где в центр внимания ставится государство, к новому измерению и пониманию безопасности в контексте постмодернизма, где ключевым сюжетом выступает «безопасность человека» (human security).

Понимание третьего мира с 1960-х гг. также претерпело определенные изменения. В соответствии с самым упрощенным западным подходом к третьему миру относятся наименее развитые страны Азии, Африки, Океании и Латинской Америки, которые могут быть объединены в единую группу с присутствующими им одинаковыми характеристиками — бедность, высокая рождаемость,

экономическая зависимость от развитых стран [Mazrui 1977]. Однако четко определить круг стран третьего мира достаточно проблематично: второй мир (коммунистический Восток) исчез вследствие дезинтеграции социалистического блока, новые индустриально развитые страны, характеризующиеся как экономические локомотивы, либо уже покинули, либо в самое ближайшее время покинут орбиту третьего мира, разрыв по оси Север-Юг значительно сузился, состояние внутреннего колониализма размывло границы между первым миром западного сообщества и третьим миром. Таким образом, в результате распада второго мира Запад вобрал в себя части второго и третьего миров. Не вошедшую часть бывшего третьего мира сегодня принято довольно условно обозначать как Юг, а остальную часть более развитого мира как Север. Где-то на стыке между ними, занимая сегодня особое место, группируются страны БРИКС.

Альтернативный взгляд на определение формата третьего мира принадлежит британскому дипломату Р. Куперу¹, использующему категории миров постмодерна, модерна и премодерна. Так, мир постмодерна наилучшим образом прослеживается на примере Европейского союза, где принцип национального суверенитета, политика баланса сил и *Realpolitik* утратили актуальный характер. Мир модерна по-прежнему придерживается традиционной межгосударственной системы, строится на принципах территориальной целостности и суверенитета и концентрируется вокруг дилеммы безопасности, гонки вооружений и баланса сил. В орбиту мира модерна попадают государства Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии, Южной Америки и Восточной Европы. Мир премодерна состоит из стран и регионов, которые остаются уязвимыми в вопросах безопасности и в которых все еще отчетливо прослеживаются элементы гоббсовского мира анархии. Это большинство стран Африки, таких как Судан, Сомали, Конго, Либерия, Сьерра-Леоне и др. «Досовременные» государства могут быть также обнаружены в Азии (Афганистан, Таджикистан), Америке (Гаити) и Европе (Албания).

При более детальном анализе емкое собирательное понятие «третий мир» содержит разные категории государств — бывшие колонии; государства, формировавшие в период идеологического противостояния холодной войны по линии Восток-Запад Движение неприсоединения; наименее развитые страны в рамках экономического разрыва Север-Юг. Р. Томас [Thomas 2003] предлагает анализировать термин «третий мир» именно через эти измерения: постколониальный мир, блок неприсоединения и менее развитые государства. В первом случае третий мир определяется по линии постколониального разлома между бывшими европейскими колониальными державами и их колониями. Второе измерение третьего мира включает в себя страны, входящие в группу, составляющую Движение неприсоединения. И наконец, заключительный блок стран третьего мира составляют наименее развитые страны в рамках продолжающейся борьбы между богатым Севером и бедным Югом.

---

¹ Cooper R. Why we still need empires. The Observer, 7 April 2002. URL: <https://www.theguardian.com/observer/worldview/story/0,11581,680117,00.html> (accessed: 10.08.2016).

В целом, странам третьего мира, по мнению ряда зарубежных экспертов, присущ следующий набор базовых характеристик: 1) отсутствие внутренней сплоченности в силу значительных экономических и социальных диспропорций и этнических, религиозных и региональных разногласий; 2) отсутствие безусловной легитимности у населения в отношении государственных границ, государственных учреждений и правящих элит; 3) подверженность внутренним и межгосударственным конфликтам; 4) диспропорциональность и зависимость экономического развития; 5) маргинализация в международной системе; 6) возможности для «проникновения» внешних акторов [Ауооб 1995, 2002]. Данные государства до окончания Второй мировой войны рассматривались как «внесистемные», так как находились на периферии, за пределами международной системы.

Анализ повестки дня безопасности третьего мира демонстрирует отсутствие стройных и всеобъемлющих теорий, а также литературы, освещающих вопросы безопасности третьего мира, за исключением тех, которые основаны на достаточно узких интерпретациях и сюжетах. Так, современные исследования в области развития государств, деградации окружающей среды, проблем голода и массовых эпидемий, грубых нарушений прав человека, региональных войн, внутренних конфликтов и терроризма носят достаточно разрозненный характер и часто не соотносятся друг с другом в рамках единой проблематики гражданской безопасности.

Отдельные попытки обобщить теоретические изыскания по вопросам безопасности третьего мира [Ауооб 1995, 2002; Acharya 1997; Thomas 2003] можно свести в самом общем виде к трем проблемным вопросам: каким образом понятие безопасности в контексте проблематики третьего мира отличается от традиционного прочтения в духе ключевых западных подходов; какова взаимосвязь между безопасностью и вопросами развития государств третьего мира; как воспринимаются в третьем мире концепции, находящиеся в периметре новой повестки дня в области безопасности — «безопасности личности», «гуманитарной интервенции», «ответственности по защите».

КОНФЛИКТЫ И ТРЕТИЙ МИР

Применение традиционных подходов к анализу безопасности в третьем мире в духе парадигмы реализма / неореализма оказалось не совсем релевантным. Ключевые положения концепции безопасности, а именно — ориентация на внешние угрозы, тесная связь с международной системой и доминирование блоковой стратегии — не отражали повестку дня развивающегося мира, который в большей степени был озабочен угрозами безопасности внутреннего характера [Azar and Moon 1988; Ауооб 1995, 2002; Acharya 2011]. Безопасность стран третьего мира коренным образом отличается от безопасности развитых западных государств, так как большинство угроз в незападных странах исходит не из внешней среды, а изнутри [Ауооб 1991]. Некорректная и далеко не полная ситуация в исследованиях безопасности сложилась, по мнению М. Айюба, по причине невнимания исследователей к самому главному изменению послевоенного миропорядка — деколонизации и образованию множества новых слабых, «невестфальских государств», на территории которых не прекращалась борьба за власть, ресурсы, территорию, права различных меньшинств (табл. 1).

Проблемы безопасности в третьем мире

Проблема безопасности	Азия	Африка	Латинская Америка
Региональная безопасность и интересы великих держав	Индия—Пакистан, Китай—Тайвань, Северная Корея — Южная Корея, арабские страны — Израиль, Ирак—Иран	Эфиопия—Эритрея, Эфиопия—Сомали, Конго—Руанда, Танзания—Уганда, Ангола—Мозамбик	Колумбия, Куба, Перу, Аргентина (Фолклендские острова)
Межгосударственные конвенциональные войны	Индия—Пакистан, арабские страны — Израиль, Ирак—Иран	Эфиопия—Эритрея, Эфиопия—Сомали, Конго—Руанда, Танзания—Уганда	—
Оружие массового уничтожения (ядерное, биологическое, химическое)	Северная Корея, Индия, Пакистан, Израиль, Иран, Ирак, Ливия	ЮАР	Аргентина, Бразилия, Куба
Трансграничный терроризм	Филиппины, Малайзия, Индия, Шри-Ланка, Израиль	—	Перу, Венесуэла, Колумбия
Повстанцы, гражданские войны, нестабильность режима	Филиппины, Индонезия, Бирма, Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Ирак	Алжир, Судан, Сомали, Руанда, Бурунди, Конго, Сьерра-Леоне, Гвинея, Либерия, Ангола, Мозамбик	Колумбия, Перу, Мексика, Никарагуа, Гондурас, Гватемала, Сальвадор
Нелегальный наркотрафик и торговля алмазами	Афганистан, Пакистан, Бирма, Таиланд	Сьерра-Леоне, Конго	Колумбия, Эквадор, Боливия, Мексика

Источник: [Thomas 2003: 222]

В годы холодной войны изучение вопросов безопасности не коррелировало вплотную с проблематикой стран третьего мира. Более того, эти вопросы были фактически исключены из мейнстрима исследований, которые после окончания Второй мировой войны носили в большей степени евроцентристский характер. Очевидно, что международные отношения в целом как академическая дисциплина также рассматриваются преимущественно с позиций евроцентризма [Vuzan, Little 2000].

Несмотря на то что в послевоенный период большинство конфликтов носило локальный характер и происходило на периферии мировой системы (Африка, Ближний Восток, Юго-Восточная и Южная Азия, внутренние конфликты в Центральной и Латинской Америке), со стороны академического сообщества внимание к вопросам региональной стабильности / нестабильности уделялось ровно в той мере, в какой данные сюжеты могли повлиять на взаимоотношения супердержав. При этом 98 % всех вооруженных конфликтов в период с 1945 по 1998 гг. имели место в странах «глобального Юга» [Holsti 1996].

Большая часть исследований в области безопасности проводилась в плоскости конкуренции супердержав за власть и влияние в стратегически важных для них регионах третьего мира. Соответственно, безопасность этих государств

и регионов анализировалась в основном через призму блоковых интересов [Кременюк 2003; MacFaflane 1985; Nacht 1981]. Тем не менее были сделаны отдельные попытки проанализировать сюжеты взаимодействия стран третьего мира с международной системой [Braveboy-Wagner 1986; Krasner 1985; Mortimer 1984; Rothstein 1977], в частности, через изучение институционального уровня и режимов развивающихся государств [Al-Mashat 1985; Security Policies of Developing Countries 1982].

После окончания холодной войны наступил крайне сложный и болезненный период транзита к новому состоянию международной безопасности, что, в частности, проявилось в активизации исследовательских и экспертных усилий в вопросах безопасности. Факт окончания холодной войны не оказал в равной степени влияния на стабильность периферийных стран. В некоторых регионах, например, в странах Африки к югу от Сахары после окончания биполярного периода в значительной мере увеличились внутренние беспорядки, в то время как в Юго-Восточной Азии наступил период стабильности и регионального порядка.

Конфликты нового поколения приобрели еще более сложный характер, так как напрямую были увязаны с внутренними проблемами государств — развитием, экономической отсталостью, идентичностью, идеологией, ценностными установками, ресурсами. При всем разнообразии новых показателей безопасности на периферии мировой системы прослеживается единый тренд — угрозы безопасности государств третьего мира переходят на общесистемный уровень, локальный / региональный конфликтный потенциал приобретает глобальный масштаб. Можно с уверенностью предположить, что и в ближайшем будущем угрозы международной стабильности будут проистекать из внутренних конфликтов этнической, религиозной или политической природы в нестабильных странах, в которые будут втягиваться другие государства и блоки. Интересы вмешивающихся третьих стран варьируются — от поддержки повстанцев против центрального правительства (Ливия, Сирия) до помощи центральному правительству в подавлении вооруженной оппозиции (Ирак, Афганистан, Бахрейн).

Динамика трансформации мировой системы потребовала и нового теоретического осмысления, попытки которого были предприняты в постколониальных теориях безопасности, поместивших вопросы безопасности государств третьего мира в более широкий формат международной проблематики. На фоне двойственных тенденций в сфере безопасности в странах третьего мира наблюдается заметный рост интереса к данной проблематике. Мозговые центры активно взялись за составление каталогов и баз данных военных конфликтов, потоков беженцев, миротворческих усилий в Африке, Азии, Латинской Америке и на Ближнем Востоке². Особый фокус внимания был направлен на анализ проблематики внутренней безопасности на фоне непрекращающихся межэтнических конфликтов, мятежей и гражданских войн.

---

² См. SIPRI Arms Transfers Database. URL: <http://www.sipri.org/databases/armstransfers>; Armed Conflict and Interventions. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html> (accessed: 10.08.2016).

ПОВЕСТКА ДНЯ ДЛЯ ТРЕТЬЕГО МИРА

Повестка дня в области безопасности в контексте незападных теорий международных отношений выглядит несколько иначе. В отличие от традиционного подхода, незападные теории безопасности не концентрируются исключительно на военных вопросах, а наравне с ними исследуют широкий спектр проблем гражданского характера — экономических, политических, социальных, экологических, а также проблематику развития, преодоления бедности и экономической отсталости. По мнению А. Ачарья, «с самого начала нехватка ресурсов, перенаселенность, слаборазвитость и деградация окружающей среды были главной причиной небезопасности в третьем мире» [Acharya 1997]. То есть в рамках исследований безопасности в государствах третьего мира вводится новый сюжет анализа — взаимосвязь между безопасностью и развитием (*security-development nexus*). Так, например, К. Томас в монографии «В поисках безопасности» объясняет отсутствие безопасности в странах третьего мира относительной слабостью, недостатком автономии, уязвимостью и недостаточной маневренностью третьего мира на экономическом, политическом и военном уровнях [Thomas 1987: 4].

Данный фактор объясняется турбулентными процессами национально-государственного строительства в развивающихся постколониальных государствах. Будучи в недавнем прошлом колониями, эти страны, которые носят условное название «невестфальские» или «квази-государства», получили сложное наследство. По мнению западных экспертов, большинство государств третьего мира по многим параметрам не соответствуют критериям государств Вестфальской системы. К. Холсти в 1996 г. предложил теорию «слабого государства» (*weak state*), которая позднее была трансформирована в теорию «неудавшегося государства» (*failed state*) и «не-государства» (*non-state*). Теория К. Холсти доказывает, что главной причиной насилия и войн в странах третьего мира являются слабость или распад государства [Holsti 1996].

В первом приближении повестка дня в сфере безопасности третьего мира близка западной концепции «секьюритизации» (от английского термина «*securitization*»), выдвинутой Копенгагенской школой [Buzan 1991]. Ее смысл состоит в придании той или иной проблеме мирового взаимодействия статуса проблемы безопасности, с включением ее в пространство международной безопасности и принятием в дальнейшем особых действий и приоритетных решений. Однако «секьюритизация» по замыслу ее создателей означает, что западные демократии, провозглашая какую-либо проблему угрозой безопасности, получают моральное оправдание для пренебрежения суверенитетом слабых постколониальных государств во имя безопасности их же граждан и могут в этих целях использовать военную силу. То есть, по сути, функция обеспечения безопасности возлагается на более сильные и развитые западные государства, которые стараются навязать незападному миру свою модель и стратегию безопасности.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ТРЕТЬЕМ МИРЕ

Современные трактовки концепции международной безопасности отличаются разным определением объекта безопасности. В соответствии с первой, государство по-прежнему остается основным объектом безопасности, что демонстрируется на примере множества концепций — *общей безопасности* (Common Security), *интегрированной безопасности* (Integrated Security) и *оборонительной безопасности* (Defensive Security). Особый фокус внимания стоит обратить на концепцию кооперативной безопасности (Cooperative Security), в соответствии с которой ни одно государство или группа государств не в состоянии в современных условиях в одиночку справиться с текущими глобальными вызовами. Таким образом, концепция активно продвигает идею выстраивания атмосферы доверия между государствами (даже с различной идеологией) с вовлечением негосударственных акторов и крайне осторожного использования военных мер в общем арсенале средств поддержания мира.

Второй подход опирается на абсолютно другую ценностную базу, ставя в центр внимания не государство, а индивида и общество. По сути, концепция «национального суверенитета» в его традиционном измерении теряет свою приоритетность, уступая место концепции «глобального суверенитета», в соответствии с которой уважение прав и достоинства человека должны превалировать над международным правом.

Наиболее иллюстративной в этом плане стала концепция «безопасности личности», предложенная программой ООН по развитию в 1994 г. и продвигаемая в основном правительствами «средних» и «малых» держав (в особенности, Канадой, Японией, Норвегией). Два десятилетия спустя после своего появления можно констатировать, что интерес к концепции возрос, данная проблематика стала центральной темой многих программных документов и докладов ООН, при том что она до сих критикуется многими государствами (например, Китаем, Индией, Францией и др.) за отсутствие единого подхода к ее прочтению, интерпретации и прикладному применению. Содержательная нагрузка безопасности личности настолько многогранна, что государства сами для себя определяют ее смысл. Так, например, Япония, делает большой упор на вопросы развития, в то время как ЕС уделяет особое внимание проблематике прав человека [Никитин 2006; Худайкулова 2010].

Концепция «безопасности личности», продвигаемая западным сообществом в качестве универсальной, глобальной и неделимой, для многих государств третьего мира оказалась неприемлемой, так как ее положения воспринимаются как навязывание западных ценностей и формальный предлог для инициирования вмешательств. Из двух измерений концепции — узкого, предложенного Канадой, в духе «свободы от страха» (Freedom from Fear) и широкого, предложенного Японией как «свобода от нужды» (Freedom from Want), государства Юга готовы принять лишь одну составляющую — «свободу от нужды». Очевидно, что страны третьего мира не готовы в комплексе согласиться со всеми

положениями концепции целиком по причине сопротивления ее первой составляющей — «свободе от страха», которая адресуется нестабильным и несостоявшимся государствам и самым тесным образом увязывается с идеей защиты прав человека.

**ОТ «БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ»
К «ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ»
И «ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЗАЩИТЕ»**

Реализация концепции «безопасности личности» связана с крайне противоречивыми и спорными практиками в мировой политике, которые вызывают острые разногласия — военными операциями по гуманитарным соображениям. Начиная с 2000-х гг. помимо «гуманитарных интервенций» (Босния и Герцеговина 1991—1995 гг., Косово 1999 г.) западное сообщество практикует военные «вмешательства возмездия» (Афганистан 2001—2002 гг.) и «превентивные вмешательства» (Ирак 2003 г.). Помимо этого, крайнюю озабоченность в рядах постколониальных государств вызывает внешнеполитическая доктрина США, получившая название «стратегии смены режимов», суть которой состоит в определении «*неблагонадежных*» государств (States of Concern), в отношении которых возможно добиваться отстранения действующих правительств, в том числе при помощи вооруженной силы.

На концептуальном уровне западное сообщество предлагает новый принцип «ответственности по защите» (Responsibility to Protect, или R2P). В его основе лежит идея о том, что суверенитет — это не привилегия, а скорее обязанность, и соответственно каждое государство должно защищать свой собственный народ от четырех видов массовых жестоких преступлений, а именно: геноцида, преступлений против человечества, военных преступлений и этнических чисток. В случае если правительство какого-либо государства не способно выполнять функции по защите, в том числе гуманитарной, собственного населения, а мирные средства воздействия на него исчерпаны, международное сообщество может «предпринять коллективные действия своевременным и решительным образом». Таким образом, была обоснована правомочность вмешательства в конфликты, вплоть до операций по военно-силовому принуждению, в чрезвычайных ситуациях. К основаниям для применения силы были отнесены: высокий уровень насилия, истощенность всех невоенных средств урегулирования конфликта, наличие необходимых ресурсов для проведения операции, достижимость поставленной цели и сбалансированный учет возможных последствий.

Данная доктрина не приобрела характер международной конвенции или поправки в Устав ООН. Однако сторонники «безопасности личности» активно лоббировали «ответственность по защите» в свете ливийской кампании «Объединенный защитник» (2011 г.), которую характеризовали как пример успешного применения принципов R2P. Согласно этому подходу, впервые был создан прецедент легитимного гуманитарного вмешательства. В отличие от косовского конфликта, когда военно-воздушная операция НАТО «Союзническая сила» не по-

лучила санкции Совета Безопасности (СБ) ООН, применение силы в Ливии было одобрено СБ (подход, который не разделяет Россия, она воздержалась при голосовании) и официально направлено на оказание помощи мирному населению. Подобная оценка не получила массовой поддержки, так как высказывались мнения, что активное использование риторики в духе «ответственности по защите» служило прикрытию военной операции гуманитарными соображениями, как в случае и с Косово. Действия коалиции критиковались и за то, что операция не достигла поставленной цели — защиты мирного населения.

Концепция «ответственности по защите» трактуется весьма расширительно и в плане правомерности, характера, масштабов внешнего воздействия, и по линии ответственности за принятие решений о «коллективных акциях», их содержании и критериях неспособности государства выполнять свои обязательства по защите населения. Дискуссия о том, кто должен брать на себя ответственность за обеспечение личной безопасности граждан в слабых и / или несостоявшихся государствах, вписана в общий политический дискурс о международном вмешательстве.

Как только идея человеческой безопасности переросла в концепцию «гуманитарной интервенции», а в дальнейшем «ответственности по защите», страны третьего мира стали к ней относиться крайне осторожно. В глазах незападного сообщества концепция представляется ложным ориентиром и создает возможности для неоправданных вмешательств. Во всех случаях проведенных вмешательств декларация гуманитарных соображений наткнулась на драматические итоги в виде жертв среди мирного населения, которое они призваны защитить.

На всемирном саммите 2005 г. почти все страны мира объявили о своей приверженности идее защиты прав человека на их территории, однако далеко не все государства являются сторонниками концепции «ответственность по защите». Китай и Россия неоднократно заявляли о недопустимости любого вида вмешательства во внутренние дела государств [Лабюк 2008]. На протяжении долгого времени остаются приверженцами принципа невмешательства и государства Латинской Америки. Несмотря на такую разобщенность мирового сообщества по вопросу о вмешательстве, государства не предпринимали попыток пересмотра или корректировки концепции «ответственность по защите».

Бразилия стала единственным государством, предложившим в 2011 г. свой подход к разрешению противоречий — инициативу «*ответственность в процессе защиты*» (Responsibility while Protect, или RWP). Выдвинутая в качестве противовеса, концепция должна была защищать гражданское население не только от собственных режимов, но и от осуществляющих вмешательство внешних сил. Инициатива Бразилии наглядно показывает, что развивающийся мир стал более активно выступать на международной арене, демонстрируя свое несогласие со сложившейся практикой силовых интервенций, проводимых в интересах влиятельных держав. Россия, Китай, Индия в целом поддержали предложение Бразилии, которая, впрочем, больше не стремится продолжать международную дискуссию о внесении необходимых изменений в практику осуществления «ответственности по защите».

Острая проблематика вооруженных вмешательств по гуманитарным причинам способна обострить напряженность в отношениях между западным сообществом и третьим миром, который достаточно остро реагирует на подобные акции. Концепция «гуманитарных интервенций», по сути, открывает возможности для начала военных действий против явно слабых авторитарных режимов, не обеспечивающих защиту и благосостояние своих граждан.

***

Незападные теории безопасности отличаются расширенным пониманием тематики безопасности с опорой на концепцию развития и включением угроз невоенного характера. Однако многие новаторские концепции, связанные с широкой трактовкой безопасности, не принимаются западным миром. Так, концепция «безопасности личности» на фоне смены объекта безопасности (от государства — к обществу и индивиду) незаметно перевоплотилась в инициативу западного мира по применению силовых акций под предлогом защиты прав человека и гуманитарных соображений. Слабость постколониальных государств, их очевидная неспособность справиться с внутренними беспорядками и обеспечить безопасность населения в своих границах приводят к тому, что эти государства теряют свой суверенитет и становятся объектом политического воздействия сильных западных держав. Последние воспринимают вторжение в страны третьего мира как право и обязанность, обусловленные необходимостью защиты прав человека или продвижения демократии. В этом смысле различные прочтения понятия «безопасность» создают конфликт восприятия и, по мнению многих теоретиков незападного мира, свидетельствуют о попытках Запада в некотором роде инициировать новую колонизацию третьего мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кременюк В.А.* Современный международный конфликт: проблемы управления // Международные процессы. 2003. № 1. С. 63—73.
- Кулагин В.М.* Современная международная безопасность. М.: Кнорус, 2012.
- Лабюк О.* «Ответственность по защите» и право на вмешательство // Международные процессы. 2008. № 3. С. 59—66.
- Никитин А.И.* Международные конфликты и их урегулирование // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 2. С. 3—16.
- Худайкулова А.В.* «Безопасность личности»: концепция, политический дискурс и возможности практического применения // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 6. С. 175—180.
- Acharya A.* Norm Subsidiarity and Regional Orders: Sovereignty, Regionalism, and Rule-Making in the Third World // International Studies Quarterly. 2011. 55 (1). P. 95—123.
- Acharya A.* The Periphery as the Core: The Third World and Security Studies // Critical Security Studies: Concepts and Cases. Ed. by Keith K., Williams M. London: UCL Press, 1997.
- Al-Mashat A.-M.* National Security in the Third World. Boulder: Westview Press, 1985.
- Ayoob M.* Humanitarian Intervention and State Sovereignty // The International Journal of Human Rights. 2002. 6 (1). P. 81—102.

Ayoob M. The Security Problematique of the Third World // *World Politics*. 1991. 43(2). P. 257—283.

Ayoob M. The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict and the International System. Boulder: Lynne Rienner, 1995.

Azar E., Moon C. National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats. Aldershot: Edward Elgar, 1988.

Barkawi T., Laffey M. The postcolonial moment in security studies // *Review of International Studies*. 2006. 32 (02). P. 329—352.

Braveboy-Wagner J. Interpreting the Third World: Politics, Economics, and Social Issues. N.Y.: Praeger, 1986.

Buzan B. People, States and Fear. An agenda for international security studies in the post-cold war era. N.Y.: Harvester Wheatsheaf, 1991.

Buzan B., Little R. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Fawcett L. Regionalism from an Historical Perspective // *The Global Politics of Regionalism*. Ed. by Farrell M., Hettne B., Van Langenhove L. London, Pluto Press, 2005.

Holsti K. The State, War, and the State of War. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Krasner S. Structural Conflict: The Third World against Global Liberalism. Berkeley: University of California Press, 1985.

MacFaflane N. The Soviet Conception of Regional Security // *World Politics*. 1985. 37 (03). P. 295—316.

Mazrui A. Africa's International Relations: The Diplomacy of Dependency and Change. Boulder: Westview Press, 1977.

Mortimer R. The Third World Coalition in International Politics. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 1984.

Nacht M. Toward an American Conception of Regional Security // *Daedalus*. 1981. 110 (01). P. 1—22.

Rothstein R. The Weak in the World of the Strong: The Developing Countries in the International System. N.Y.: Columbia University Press, 1977.

Security Policies of Developing Countries. Ed. by Kolodziej E., Harkavy R. Lexington: Lexington Books, 1982.

Thomas C. In Search of Security: The Third World in International Relations. Brighton: Harvester Wheatsheaf, 1987.

Thomas R. What is Third World Security? // *Annual Review of Political Science*. 2003. 6. P. 205—232.

Zakaria F. The Post-American World. NY: W.W. Norton & Company, 2009.

Дата поступления статьи: 10.08.2016

Благодарность. Данная статья подготовлена в рамках НИР РУДН 2016 г. «Незападные теории международных отношений. Азиатские, латиноамериканские и африканские концепции мироустройства».

Для цитирования: Худайкулова А.В. Теории безопасности третьего мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 3. С. 412—425.

THIRD WORLD SECURITY THEORIES

A.V. Khudaykulova

MGIMO-University, MFA of Russia

This article analyzes the security studies in the “Third World”. The evolution of the conceptual apparatus in the field of security studies and in the understanding of the “Third World” is given. The author provides us an analysis of the security issues in the so-called “post-colonial” countries in the years of “cold war” and in the post-bipolar period, defines the domain of security for the developing world and the current agenda. Particular attention is paid to the analysis of the security concepts of the late XX century — the “security of the person”, “securitization”, “humanitarian intervention” — which are of particular concern to countries of the “Third World”.

An alternative format of the “Third World” in the categories of postmodern, modern and premodern worlds is given, the term of “non-Westphalian” state is used as well. Basic characteristics of the “Third World” in the socio-economic and political spheres are provided. The author emphasizes that the state of security of the “Third World” is fundamentally different from that of the developed Western countries, since most threats in non-Western countries, does not come from the outside, but from within. Accordingly, the non-Western security theory does not focus exclusively on military issues and explore a wide range of issues of civil nature — economic, political, social, environmental and development challenges, as well as poverty and underdevelopment.

Key words: security, third world, post-colonial state, the theory of international relations, realism, human security, intervention, humanitarian intervention, the responsibility to protect, a change of regime.

REFERENCES

- Acharya, A. (2011). Norm Subsidiarity and Regional Orders: Sovereignty, Regionalism, and Rule-Making in the Third World. *International Studies Quarterly*, 55 (1), pp. 95—123.
- Acharya, A. (1997). *The Periphery as the Core: The Third World and Security Studies in Critical Security Studies: Concepts and Cases*. Ed. by Keith K., Williams M. London: UCL Press.
- Al-Mashat, A.-M. (1985). *National Security in the Third World*. Boulder: Westview Press.
- Ayoob, M. (1991). The Security Problematique of the Third World. *World Politics*, 43(2), pp. 257—283.
- Ayoob, M. (1995). *The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict and the International System*. Boulder: Lynne Rienner.
- Ayoob, M. (2002). Humanitarian Intervention and State Sovereignty. *The International Journal of Human Rights*, 6 (1), pp. 81—102.
- Azar, E., Moon, C. (1988). *National Security in the Third World: The Management of Internal and External Threats*. Aldershot: Edward Elgar.
- Barkawi, T., Laffey, M. (2006). *The postcolonial moment in security studies // Review of International Studies*, 32 (02), pp. 329—352.
- Braveboy-Wagner, J. (1986). *Interpreting the Third World: Politics, Economics, and Social Issues*. N.Y.: Praeger.
- Buzan, B. (1991). *People, States and Fear. An agenda for international security studies in the post-cold war era*. N.Y.: Harvester Wheatsheaf.
- Buzan, B., Little R. (2000). *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
- Fawcett, L. (2005). *Regionalism from an Historical Perspective in The Global Politics of Regionalism*. Ed. by Farrell M., Hettne B., Van Langenhove L. London, Pluto Press.

Holsti, K. (1996). *The State, War, and the State of War*. Cambridge: Cambridge University Press.

Khudaykulova, A.V. (2010). «Bezopasnost' lichnosti»: kontseptsiya, politicheskii diskurs i vozmozhnosti prakticheskogo primeneniya [Human Security: the concept of political discourse and the practical application]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 6, pp.175—180.

Krasner, S. (1985). *Structural Conflict: The Third World against Global Liberalism*. Berkeley: University of California Press.

Kremen'yuk, V.A. (2003). Sovremennyyi mezhdunarodnyy konflikt: problemy upravleniya [Modern international conflict: management problems]. *International Trends*. № 1. P.63—73.

Kulagin, V.M. (2012). *Sovremennaya mezhdunarodnaya bezopasnost'* [Modern international security]. Moscow: Knorus.

Labyuk, O. (2008). «Otvettvennost' po zashchite» i pravo na vmeshatel'stvo [“Responsibility to protect” and the Right to intervene]. *International Trends*, 3, pp. 59—66.

MacFaflane, N. (1985). The Soviet Conception of Regional Security. *World Politics*, 37 (03), pp. 295—316.

Mazrui, A. (1977). *Africa's International Relations: The Diplomacy of Dependency and Change*. Boulder: Westview Press.

Mortimer, R. (1984). *The Third World Coalition in International Politics*. 2nd ed. Boulder: Westview Press.

Nacht, M. (1981). Toward an American Conception of Regional Security. *Daedalus*, 110 (01), pp. 1—22.

Nikitin, A.I. (2006). Mezhdunarodnye konflikty i ikh uregulirovanie [International conflicts and the settlement]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, pp. 3—16.

Rothstein, R. (1977). *The Weak in the World of the Strong: The Developing Countries in the International System*. N.Y.: Columbia University Press.

Security Policies of Developing Countries. (1982). Ed. by Kolodziej E., Harkavy R. Lexington: Lexington Books.

Thomas, C. (1987). *In Search of Security: The Third World in International Relations*. Brighton: Harvester Wheatsheaf.

Thomas, R. (2003). What is Third World Security? *Annual Review of Political Science*, 6, pp. 205—232.

Zakaria, F. (2009). *The Post-American World*. NY: W.W. Norton & Company.

Received:10.08.2016

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of RUDN University 2016 Research project «Non-Western international relations theories. Asian, Latin American and African concepts of the world order».

For citations: Khudaykulova, A.V. (2016). Third World Security Theories. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), pp. 412—425.